

«БЕЖЕНСКИЙ ГОРОД»: НЕИЗВЕСТНЫЙ КИШИНЕВ НАЧАЛА 1920-Х ГГ.

Ольга ГАРУСОВА

Abstract

The article is dedicated to the pages of the history of Chisinau in the cultural plan of 1918 and the early 1920s. This chronologically small, but very important historical period, is studied from changes in the urban socio-cultural space, caused by the influx of refugees from revolutionary Russia during the Civil War. Bessarabia, which becomes a part of Royal Romania, is one of the important ways of escape for the first wave of emigration, and Chisinau is becoming one of the “refugee” cities of the world. The materials of the Russian-language periodic press of that time show the changes in size and social structure of the population, as well as the situation of refugees and the assistance of charitable public organizations. The new appearance of the Bessarabian capital was determined not so much by the significant growth of temporary residents, as by the changes of the cultural landscape, enriched by events, sometimes paradoxical and unexpected ones. An important factor was a significant expansion of the stratum of intellectuals. Practically all creative ideas promoted here since the beginning of the century were carried out with the active participation of migrants, most of whom were related to Bessarabia by origin, kinship or service relations. There have appeared opera and dramatic enterprises, symphony orchestra and choir; new newspapers and magazines are emerging; educational institutions are being established or reformed. Public educational lectures, as well as unusual for the province forms of literary and musical evenings, are organized here. During this period, the concert poster is extremely diverse, where the names of famous musicians, opera and ballet artists, “brought by the will of destiny” could be found. Chisinau becomes a place of creative activity for writers, artists, journalists who had come from St. Petersburg, Moscow, Odesa, Kyiv. Their spiritual and professional experience brought a special cultural background to the life of the city, “new developments in the field of pure art” related to modernism and symbolism (rejection of naturalism on stage, in painting, promotion of new aesthetic values and true meanings in a creative activity). By the mid-

1920s the “refugee” Chisinau had become a gateway to the countries of Europe for most of its temporary residents, to Palestine and the USA, but the impulses of their creative activity will be felt throughout the whole interwar period.

Keywords: interwar period, socio-cultural space, refugees, charity, cultural life of Chisinau.

Различные аспекты жизни Кишинева в период нахождения Бессарабии в составе Королевской Румынии вызывают в последние десятилетия растущий интерес специалистов разных областей. Заполняются «белые пятна» городского бытия, освоение которого сопряжено не только с открытием новых его пластов, но и интерпретацией исторических источников. В предлагаемой вниманию читателей статье мы попытались поставить некоторые известные и неизвестные имена, факты, события в новый контекст, представить под углом зрения трансформации социокультурного пространства города в 1918-1921 гг., вызванной революционной российской эмиграцией¹.

«Спасительный остров»

После Октябрьской революции 1917 г. в Бессарабию, ручейками, а с началом Гражданской войны нескончаемым потоком шли беженцы из России и Украины. Большинство из них обосновалось в Кишиневе. «Эти десятки, если не сотни беженцев уплотнили Кишинев до последней возможности, – писал бывший петербургский журналист Петр Пильский. – Правда, для части их этот Chişinău – только этап, проходной пункт, ворота в Европу. Через эту дверь вливается и идет в Австрию, в Германию, на Балканы все южное, то есть новороссийское и украинское беженство»².

Давший приют тысячам покинувших родные места людей, Кишинев в начале 1920-х гг. обретает новое лицо. Теперь он один из беженских городов мира. Таким – в одном ряду с Бухарестом, Мюнхеном, Берлином, Парижем – предстает он в романе

¹ Примечание: Необходимо отметить, что социокультурное пространство межвоенного Кишинева было многослойным, в его формировании участвовали многие румынские творческие деятели. Однако эта тема требует специального исследования.

² Пильский П. *Бессарабия*. В: Последние известия (Ревель). 1923, № 34. Цит. по: Балтийский архив. Рига. 1999, с. 374.

На фото со студентами Художественного училища: в верхнем ряду слева А. Пламадяла, справа – А. Бальер, Г. Пожидаев. (НАРМ. Ф. 2989. О. 1. Д. 170)

Екатерины Черкес «Жемчуг слез», изданном в 1925 г. в Берлине. Приезжие здесь на каждом шагу: на улицах и на аллеях парка, за столиками кафе, среди постояльцев отелей и жильцов перенаселенных квартир, устроителей благотворительного вечера в пользу неимущих беженцев...

Перемены в социокультурном облике Кишинева, его превращение в «беженский город» с особенной наглядностью отразились и выразились в периодической печати. Пока власть на юге России переходила из рук в руки, пресса занимала позицию, хотя и не безучастного, но стороннего наблюдателя. «В последнее время обстоятельства чередовались с такой быстротой и с такой неожиданностью, что публика потеряла голову и не знает, что и думать. Пока мы присутствуем на печальном спектакле и видим, как тысячи людей, бросая свой кров и дом, скитаются по миру. Многие потерпевшие рассказывают, что банды большевиков, не признающие никакого закона, порезали их жен, детей и родственников. Мы, на правом берегу Днестра, можем только благодарить судьбу за то, что находимся здесь, и смотрим только как зрители на разворачивающуюся перед нами великую трагедию»³.

По мере развития событий на фронтах Гражданской войны, с победами большевиков, рассказы «великой трагедии» доносятся все ближе. «Политические события на левой стороне Днестра заставляют думать о тех тысячах людей, которые, лишены крова, спасаясь от смерти, будут искать себе спасения. Наиболее зажиточные семейства бегут, продав имущества, в Константинополь, на Принцесы острова, уезжают во Францию. Но их сравнительно мало. Гораздо больше тех, кто жили 20-м числом⁴. Вся масса чиновников и интел-

лигенции будет искать выхода из заколдованного круга голода, ужаса и смерти. Понятно, что все те, кто имеет хоть какое-то отношение к Бессарабии, постарается проникнуть к нам, в поисках спасения и порядка»⁵.

Стремительно пополняется население Кишинева с лета 1920 г., когда с упрочением советской власти на Украине и с разгулом террора переход Днестра принимает характер стихийного, неуправляемого потока. С точностью определить количество беженцев невозможно. Официальные источники утверждали, что к 1 октября 1920 г. в городе проживало 186 000 человек⁶ (в 1917 г., приблизительно 130 000). К 1923 г. числилось 133 000 постоянных жителей и 66 500 временных⁷. Приводились и другие цифры – от 210 до 300 тысяч⁸. Преобладающее большинство «временных» составляли беженцы.

Вместе с беженскими волнами усиливается ощущение тектонического сдвига, осмысление которого придет позднее. Бегство – всегда драматическая для человека перемена судьбы – обретает масштаб библейского исхода. «Совершается нечто эпическое. Идет великое переселение. Люди бегут – от голода, от холода, от хаоса, от насилия, от расстрела. Бегут, куда глаза глядят. И первый этап – наша Бессарабия»⁹.

Все больше публикуется материалов о трагических событиях «по ту сторону Днестра», о мытарствах и опасностях, подстерегавших на пути в Румынию: им, в частности, посвящена рубрика «Письмо беженца» в газете «Бессарабия». Страшные рассказы о революционных беззакониях, красном терроре, репрессиях, разрухе служили не только свидетельствами большевистского режима, но и источником информации. Очень популярными были публичные лекции прибывших «оттуда». Среди прочих выделялось выступление бывшего петербургского профессора А. Кулишера на тему «Что такое Совдепия»: «Лекция отличалась удивительно интересным освещением целого ряда фактов, отчасти известных и очень многим совершенно неизвестных, даже интересующейся Советской Россией публике. Вдумчивое отношение ко всему пережитому, отсутствие обывательских жалоб на дороговизну и прочих приевшихся мест, заставило аудиторию, состоявшую преимущественно из интеллигенции, с неослабевающим интересом прослушать лекцию, длившуюся около 3 часов»¹⁰.

⁵ *Бессарабия и беженцы*. В: Бессарабия. 1920, 18 января.

⁶ *Население Кишинева*. В: Бессарабия. 1920, 30 ноября.

⁷ *Dicționarul statistic al Basarabiei*. Chișinău. 1923. P. 12.

⁸ Стодольский С. *Наш край*. В: *Calendarul cooperatorului*. Chișinău. 1923. P. 48.

⁹ С-рь. *Антракты*. В: Бессарабия. 1921, 31 ноября.

¹⁰ *К лекции проф. А. Кулишера*. В: Бессарабия. 1920, 22 октября.

³ *Что с Одессой*. В: Бессарабия. 1919, 27 апреля.

⁴ Data de 20 – ziua de salariu în fiecare lună, adică oameni care trăiau de la un salariu la altul (n. red.).

Беженское население Кишинева состояло из представителей всех классов и сословий, разных конфессий и национальностей. Были аристократические семейства, дворяне и помещики, имевшие поместья и недвижимость в Бессарабии. Были военные – денкиинцы и врангелевцы. Попадались обогатившиеся за счет войны и революции дельцы-нувориши. Как и в других странах, преобладали люди свободных профессий; в прошлом вполне обеспеченные, многие из них переходят в категорию малоимущих. По наблюдениям газетчика, «беженцы-буржуи на жалкие остатки своего разграбленного и разворованного состояния еще могут пить чай у Манькова, обедать у Кампаре и проводить вечерние досуги в Семейном кружке»¹¹. Подавляющая же часть не имела никаких средств к существованию, нуждаясь в жилье, пище, одежде, многие – в лечении.

Наплыв голодных, оборванных, бесприютных и безработных людей создал множество проблем городу, и без того находившемуся в трудной экономической ситуации. Последствия Первой мировой войны усугубили социальное неравенство. Со страниц газет не сходят жалобы на дороговизну, «страшные цены», «вакханалию спекулятивного мародерства», «наглое, систематическое обирание одних другими», «пропасть между сытыми и голодными»... Немалое количество «своих» бедняков ежедневно пополняется беглецами из-за Днестра. Вошедшим неотъемлемой частью в повседневную жизнь Кишинева беженцам требовалась организованная разносторонняя помощь.

С распадом прежних форм государственной социальной поддержки, неимущим помогали благотворительные общества, действовавшие на национально-конфессиональной основе. О поляках заботилось польское католическое общество. Евреи из Украины, составлявшие наибольший процент прибывших, получали разнообразную и систематическую помощь от различных местных и американских благотворительных организаций; в Кишиневе действовали, так называемый, Украинский комитет и филиальное отделение Джойнта.

Неимущие беженцы православного вероисповедания дольше оставались в тяжелом положении. Им оказывали спорадическую помощь частные лица и некоторые, сохранившиеся от прежних времен, городские благотворительные общества. Многие «стучались в двери» Бессарабского Комитета оказания помощи безработным и остро нуждающимся, инициированного Г. Пынтей в мае 1919 г. с целью содействия «выброшенным за борт жизни» семьям погибших на войне и уволенным чиновникам и служащим, отказавшимся присягать румынскому правительству. С осознанием общест-

¹¹ Северный. *Среди беженцев*. В: Бессарабия, 1920, 17 октября.

Заль Благороднаго Собранія.
Воскресенье, 12го мая 1919 г.

КОНЦЕРТЪ-БАЛЪ

АРТИСТОВЪ ОПЕРЫ.

I. Концертъ при участіи:
г-жъ: Е. ИВОНИ, М. ИЗАРЪ, Е. РОДРИГО, г.г. Н. БОБЕСКУ, А. КОСТЕСКУ-ДУКА, Н. НАГАЧЕВСКОГО, Р. ШТЕЙНЕРА.

II. МОДНЫЕ ФРАНЦУЗСКІЕ И ПОЛЬСКІЕ ТАНЦЫ исполнятъ: г-жа Е. Козырева, Вноровская и г.г. Чеславини.

Одно отдѣленіе концерта посвящается исключительно Румынской національной пѣснѣ, картинкамъ и танцамъ.

I. ЖИВЫЯ КАРТИНЫ (сказка румынскаго рода).
Аллегорическія картины г. ЭМИЛЯ БОБЕСКУ.

Въ заключеніе живыхъ картинъ исполнятъ 12 персонажей Ардала **МУРЕШАНКА**, исполнятъ 12 персонажей Ардала.

Картины и румынскіе танцы поставлены директоромъ сцены Вукарескаго театра г. ЭМИЛЕМЪ БОБЕСКУ. — У раваля г. Н. БЕЙНЪ.
Послѣ концертнаго отдѣленія

Балъ артистическаго кабарэ, рилетис, конфетти и буфетъ.

Цѣны билетовъ: ложи 150 л., партеръ отъ 30 до 12 л., балконы 12—10 л., галлерей 10 л.
Билеты продаются въ муз. магаз. І. В. Влоубовой, а въ день спектакля въ каскѣ театра отъ 10 до 2 час. и отъ 5 час. вечера. № 12
Администраторъ Д. Д. Манья.

Анонс. «Бессарабия». 1919, 25 мая.

венностью острейшей необходимости поддержки православных беженцев, в октябре 1920 г. создаются две благотворительные организации: при Комитете – Беженский отдел под руководством В. Г. Кристи и представителями местного дворянства Бессарабский кружок помощи беженцам разных областей России. С их открытием помощь беженцам становится одной из доминирующих социальных тем в прессе.

В этом отношении характерно воззвание Беженского отдела, адресованного торгово-промышленным кругам: «Помогите нам оказать помощь, дайте возможность облегчить горькую, тяжкую участь людей, волей рока потерявших отчизну, очаг и достаток. Изнемогшие в борьбе, вынуждены были они оставить все близкое и родное и искать спасение в местах, где законность и порядок не дали места ужасам социально-революционных экспериментов. И в своем благополучии вы не должны забывать этих людей. С большими трудностями пробрались они сюда к нам. Если они здесь получили возможность осуществить свое право на жизнь, то надо им дать средства и возможность самого существования. Забитых, измученных, буквально нищих встречаем мы их. Не кричат они о себе, не требуют ничего, даже не просят. Тихо и скромно скитаются они, существуя лишь случайными доходами, добытыми физическим трудом, но ведь они все лица интеллигентных профессий, коим физический труд не по силам и даже губелен. [...] И наша святая обязанность и долг облегчить их долю и принять самое близкое участие в их судьбе. Вам, торговцам, купцам и промышленникам особенно дороги должны быть их интересы. Ведь потерпели они за цивилизацию и культуру, часть которой составляете и вы. Ибо без промышленности и торговли жизнь замирает и обрекается на

Писатель Л. Добронравов

гибель. Уделяя им незначительную частицу своих достатков, вы тем самым служите своему делу, своим интересам»¹².

Призывы благотворительных организаций встретили скорый сочувственный отклик. Владельцы магазинов и торговых фирм посылали продукты и вещи, перечисляли крупные суммы денег. Под руководством почетного председателя Беженского отдела, митрополита Гурия, по всей епархии собирались пожертвования, а в церквях устраивались тарелочные сборы. Членами Комитета проводились кружечные сборы по городу, устраивались благотворительные концерты, спектакли, лекции, балы и вечера. Следует отметить, что Королева Мария выделяла комитету пособия из личных средств. Также кишиневские благотворительные организации получали помощь от находившегося в Бухаресте российского и румынского Красного Креста.

Беженский отдел помогал оформить документы на жительство и на выезд; содействовал освобождению интернированных из лагерей и розыску родных и знакомых; оказывал необходимую юридическую, медицинскую и трудовую поддержку. В течение года в его общезитии было зарегистрировано 2 тысячи русских беженцев. Число же устроившихся на частных квартирах учету не поддается; о его значительности говорит ранее неведомый Кишиневу жилищный кризис, для решения которого была создана специальная комиссия.

Пока были живы надежды на крах большевизма, состояние беженства представлялось временным. Кишинев ассоциировался со «спасительным

островом», заветным пристанищем, где можно «отдохнуть от всего пережитого «там». Претерпевшие немислимые лишения люди поразились нормальному течению городской жизни. Удивляло все: тихие ночные улицы и люющая из открытых окон особняков музыка, движение трамваев и экипажей и переполненные иллюзии, нарядная публика на открытых верандах кафе, бойкая уличная торговля и обилие давно не виденных продуктов, «чудные» фрукты... Зеленый, оживленный, радушный город очаровывал, создавая ощущение устойчивого, не поколебленного политическими катаклизмами бытия. Нашедшие работу оседали в Кишиневе на более или менее длительное время, а кто – и навсегда.

«... в Кишиневе можно творить и создавать»

Новый облик Кишинева определялся не просто количеством «пришлого» населения. Не случайно, в приведенном выше обращении Беженского отдела выделены «лица интеллигентных профессий», слой которых заметно вырос в социальной структуре города. Газеты регулярно печатают объявления о предложении услуг врачей, инженеров, агрономов, гувернанток со знанием иностранных языков; преподаватели «готовят по всем предметам средних учебных заведений», дают уроки высшей математики и латыни, живописи и танцев... Большинство покинувших Петербург, Москву, Одессу, Киев были связаны с Бессарабией происхождением, родственными или служебными в прошлом отношениями. Возросшая прослойка интеллигенции существенно повлияла на культурный ландшафт города.

Беглый взгляд на хронику кишиневской культурной жизни отметит множество ярких событий, неожиданных в провинциальном городе. Зарождаются весьма амбициозные музыкальные, театральные, художественные проекты; возникают новые газеты и журналы; появляются или реформируются образовательные учреждения. Продвигаемые кишиневской интеллигенцией с начала века творческие идеи (создание оперной антрепризы, драматического театра, симфонического оркестра) осуществлялись при активном участии приезжих. «В Кишиневе можно творить и создавать», подводил итоги 1919-1921 гг. хронист кишиневской культурной жизни и повседневности¹³.

Для занесенных революцией и войной в Кишинев, город стал не только транзитной станцией, но поприщем активной творческой деятельности. Ключевая фигура этой поры – известный петербургский писатель Леонид Добронравов (Донич), вернувшийся осенью 1918 г. в родной город, с именем которого связан ряд громких литературных,

¹² От Беженского отдела. К торгово-промышленным фирмам. В: Бессарабия. 1920, 21 ноября.

¹³ А. Вершховский. О театре (обзор за 2 года). В: Бессарабия. 1921, 14 сентября.

Программка лекции А. Кулишера «Что такое Совдепия».

музыкальных, театральных событий. Он много пишет в русской и румынской прессе; публикует документальные очерки «Из Петрограда в Бессарабию» и «Imperia rusă», роман «Побежденные», множество рассказов; его пьесы («Маркиза», «Последний сеанс», «Проказница») ставились на кишиневской сцене. Его коллега по газете «Бессарабия», чрезвычайно плодовитый фельетонист Анатолий Вершховский издает сборник «Смех в сумерках». В творческой биографии петербургского поэта и драматурга Петра Потемкина кишиневский период был знаменателен двумя стихотворными циклами: метафорически осмыслявший переправу через Днестр–Рубикон автобиографический «Переход» и трагический «Че-Ка», посвященный памяти Николая Гумилева.

В редакциях новых кишиневских газет – «Бессарабия», «Наше слово» (с 1921 г., «Новое слово»), «Звезда» – сплошь приезжие. Это и местные уроженцы – поэт-сатирик Я. Оксер (Жак Нуар), критик А. Гирля, журналисты Ю. Калугин, М. Пинчевский, Ст. Иванович, и «пришлые» – П. Пильский, П. Потемкин, М. Недолин, Г. Блок, Н. Бенони, И. Хейфиц, А. Кулишер. Образ жизни этой своеобразной литературной среды принципиально отличается от обывательской безытностью, полубогемностью.

Ежедневно встречались, чаще всего в кафе, элитном Манькова, или в городском парке; за чашкой кофе или за вином, вспоминали недавнее бывшее, спорили, строили литературные прожекты. Некоторые из них, как издание журналов «Зарницы» и «Наш Сатирикон», осуществились. Читали свои новые произведения на закрытых вечерах в частных домах, своего рода музыкальных и литературных салонах.

Диапазон ежедневной периодики в эти годы расширяется за счет публикаций художественных произведений, документальных очерков, эссе. Печтается очень много фельетонов о нравах, привычках, быте и досуге, «мелочах дня» горожан. Впечатлениями, наблюдениями, размышлениями на страницах газет делились и заново знакомящиеся с городом детства и юности, и впервые его увидевшие.

Никогда еще пресса столь пристально не следила за художественным процессом. В связи с этим даже высказывались упреки в том, что «и печать, и общество много внимания уделяют искусству, музыке, театру. Даже слишком много, по сравнению с таким же освещением других вопросов момента». С одной стороны это объяснялось появлением целой когорты профессиональных журналистов и далеких от политики людей искусства, выступавших в печати по близким им темам. С другой – динамикой культурной жизни, обусловленной беженскими волнами, выбрасывавшими на бессарабский берег артистов драмы, оперы, балета, эстрады, музыкантов и художников.

Появление новых лиц, прежде всего, сказалось в музыкальной сфере. Уже осенью 1918 г., с приездом пианистов И. Бейна, К. Романова, П. Левицкого, будущего аккомпаниатора Ф. И. Шаляпина Ивана Базилевского, оперных артистов Е. Ивони, Г. Мельника, Н. Нагачевского возрождается концертное исполнительство. Музыкальный цех пополняется непрерывно. Некоторые оперные артисты задерживаются в Кишиневе на несколько лет, выезжая на гастроли по городам Старого Королевства. Имевшие опыт преподавания и впервые приступившие к педагогической работе поступают на службу в музыкальное училище, затем – в открытую в марте 1919 г. консерваторию. Благодаря опытным специалистам – назовем лишь некоторых: Г. и Т. Яцентковские, А. Стадницкая, М. Дайлис, М. Златова, И. Базилевский – был расширен преподавательский состав. Вновь стали проводиться в музучилище не только традиционные «семейные вечера», на которых зрители знакомились с будущими артистами, но и камерные концерты с приглашением известных исполнителей.

О большинстве творческих проектов можно сказать: впервые. Наличие серьезных исполнительских сил сделало возможным создание опер-

Первая страница газеты «Бессарабия».

ной антрепризы, начавшей весной 1919 г. свою деятельность, под руководством Божены Белоусовой и дирижера Жана Бобеско. Первая бессарабская оперная труппа, несмотря на коммерческую убыточность и периоды затишья, в течение нескольких сезонов показала кишиневцам довольно много произведений мирового оперного репертуара, выбор которых во многом зависел от коронных партий прибывавших в Бессарабию артистов¹⁴. В спектаклях выступали и приглашенные из Национальной оперы Бухареста певцы¹⁵.

Значительные преобразования в музыкальной сфере связаны с деятельностью Вячеслава Александровича Булычева, хорового дирижера, композитора, педагога, основателя московской Симфонической капеллы, сыгравшего видную роль в развитии хорового исполнительского искусства в России. Оказавшись случайно осенью 1918 г. в Кишиневе, уже в декабре он ставит со смешанным хором «Реквием» Моцарта, публичное исполнение которого было признано событием феноменальным, достойным «крупных музыкальных центров».

Убедившись в музыкальности города, наличии «целых залежей» талантов, Булычев организует Симфонический хор для исполнения «музыки старого стиля» – малоизвестных произведений XV-XVI вв. на латинском языке. После первых выступлений «прекрасной, умело созданной организации, доставившей всем глубокое эстетическое наслаждение», пресса отмечала не только большое художественное, но и образовательное значе-

¹⁴ «Евгений Онегин», «Пиковая дама», «Фауст», «Риголетто», «Демон», «Травиата», «Аида», «Тоска» «Трубадур», «Фауст», «Сельская честь» Масканы, «Паяцы» и др. Кроме вышеуказанных – Д. Борелли (Семен Заик), Я. Горский, В. Каравья, Е. Лучезарская, М. Тобук-Черкас, А. Георгиевский и другие менее известные исполнители.

¹⁵ А. Костеску-Дука, Р. Штайнер и др.

ние. Исторические концерты являлись составной частью булычевской программы музыкально-просвещения края, который дирижер мечтал «превратить в европейский музыкальный центр».

Как «гром с безоблачного неба по своей новизне и оригинальности» были восприняты публичные лекции Булычева «Основы музыкальной культуры», прививавшие «мысли и понятия о музыке, каких до сих пор у кишиневцев не было»¹⁶. Восторженно отзывалась пресса о последующем цикле лекций – музыкально-исторических, сопровождавшихся исполнением сочинений выдающихся композиторов, уверяя, что подобных не слышал, не только Кишинев. Углубленным изучением истории и теории музыки, Булычев преследовал и задачу переменить обывательскую точку зрения на искусство как сугубое развлечение, заполнение досуга. И в этом своем устремлении он не был одинок. Беженская интеллигенция, люди со «столичным» духовным и профессиональным опытом привнесли непривычные для широкой публики эстетические воззрения.

«Веяния чистого искусства»

Популяризация взглядов на искусство и литературу, как на особый, живущий по своим собственным законам, мир – внятная тенденция прессы начала 20-х гг. Заинтересованную информационную поддержку получают не озабоченные коммерческим успехом творческие учреждения и в особенности пристрастную те, в которых угадываются, согласно распространенной формуле, «новые веяния в области чистого искусства».

Шаг за шагом наблюдается сотрудниками «Бессарабии» работа созданной по инициативе Н. Нагачевского в ноябре 1919 г. Оперной студии, переименованной вскоре в Студию оперы, драмы и балета – «дела в провинции небывалого», что «на первый план ставит художественные замыслы, а не антрепренерские расчеты». По словам журналиста, вокруг студии «соединились все самые рафинированные художественные силы Кишинева, как местные, так и занесенные в Кишинев волею судеб»¹⁷.

Класс сольного пения и постановки голоса вел Н. Нагачевский, класс ансамбля – И. Базилевский, класс теории музыки и сольфеджио – К. Романов; Л. Добронравов читал курс эстетики, истории оперы, грима и костюма, бухарестский дирижер Р. Урлациану – историю румынской музыки; хоровое пение преподавал М. Бырка, театральным грим – художница М. Березовская, хореографию – Я. Ротгер, Е. Козырева, драматический класс вел И. Дубровин. Смелый эксперимент «синте-

¹⁶ Слушатель. *Пятая лекция В. Булычева*. В: Бессарабия. 1919, 19 марта.

¹⁷ *Оперная студия*. В: Бессарабия, 1920, 4 января.

Анонс спектакля-кабарэ. «Наше слово». 1921, 16 апреля.

тического» обучения оперных певцов был недолговечным, однако, показанные его участниками «оперно-балетно-драматические» представления заметно оживили весенне-зимний сезон 1920 г. Поставленные Л. Добронравовым на сцене Польского клуба восемь мозаичных программ, в которые входили сцены и целые акты оперных произведений, одноактные пьесы, румынские романсы, балетные дивертисменты, высоко оценивались с точки зрения художественной новизны. Рецензенты отмечали неожиданный образный эффект «минималистических» решений сценического пространства, игру «на паузах», тщательно разработанную психологию действующих лиц. В студийных спектаклях впервые выступила М. Космачевская, приехавшая на родину из Петрограда и успешно игравшая сначала на русской, а с созданием Национального театра – на румынской сценах.

Студия завершила свою деятельность постановкой Добронравовым оперы «Фауст» Ш. Гуно с молодыми исполнителями. «Новая постановка в Кишиневе при отсутствии технических средств предприятие рискованное. Многие спрашивали: «Что можно сделать на кишиневской сцене?» Но [...] постановка превзошла самые пылкие ожидания и убедила скептиков, что и на кишиневской сцене возможны истинно художественные достижения»¹⁸.

Другим объектом особого внимания прессы была Рисовальная школа, после двухгодичного перерыва возобновившая в январе 1919 г. занятия. По проекту бывшего директора В. Окушко она реорганизуется скульптором А. Пламадяла, при ближайшем участии художника А. Бальера, в художественное училище. Расширение образовательной программы, введение новых классов-

мастерских позволили нарисовать заманчивую перспективу: «в настоящем виде школа представляет уже зародыш краевой академии»¹⁹. Далекая от будничной суеты и тягостной борьбы за существование, свободная и живая атмосфера творческого труда, в которой протекло воспитание будущих художников, особенно восхищала писавших об этом «истинном детище чистого искусства». «Не бывать бы счастьем, да несчастье помогло – обращаясь к Пламадяла один из адептов новых методов преподавания – кошмар жизни забросил Вас и г-на Бальера из центров в провинцию, которая в лице вашем приобрела истинных художников и педагогов»²⁰.

Ряд лекций о современных течениях в живописи в училище читали художники-модернисты Г. Пожидаев и М. Нечитайло-Андреевко. Последний работал в отделе искусства газеты «Наше слово». Театральный декоратор Г. Пожидаев, по утверждению одного из учеников первого призыва, художника Национального театра в Кишиневе Б. Несведова, оставил глубокий след: «Ему обязаны были всецело своим вкусом и мастерством такие, как – Кирьяков, Сахаров, Бронштейн, Ирис, Иванова, Старчевская»²¹.

Некоторое время провели в Кишиневе художники Виктор Федоров и Георгий Левендаль, оформившие ряд постановок для различных театральных трупп.

«Опера и драма, балет и ваяние, живопись и литература, все, все проходит перед нами.»

«С перебоями идет кишиневская жизнь. То тихо все, спокойно, уныло... то вдруг всколыхнется стоячие воды... Больше всего возмущение воды наблюдается в области искусства»²². Возмутителями спокойствия явились так называемые «одесские беженцы» – не успевшие эвакуироваться и застрявшие в Одессе мигранты из разных российских городов, люди творческих профессий, в одиночку и большими группами с помощью контрабандистов переправлявшиеся через Днестр. «Один за другим плывут, как песчинки морские, мимо наших берегов те обломки восточной империи. [...] Опера и драма, балет и ваяние, живопись и литература, все, все проходит перед нами»²³.

¹⁹ *Городская художественная школа*. В: Бессарабия. 1919, 11 апреля.

²⁰ А.В.К. *По поводу статьи «На выставке»*. В: Наше слово. 1921, 1 июля.

²¹ Несведов Борис. *Упадок нашей художественной школы*. В: Молва. 1936, 26 января.

²² Тангейзер. *О странном и странностях*. В: Бессарабия. 1920. 28 ноября.

²³ Вершковский А. *Птенцы гнезда Петрова*. В: Бессарабия. 1920, 5 ноября.

¹⁸ Аргус. *Фауст*. В: Бессарабия. 1920, 15 мая.

Дирижер В. Булычев.

Анонсы. «Наше слово». 1921. 30 мая

Анонс концерта Симфонического хора. Бессарабия. 1921, 23 февраля.

Резонансным «возмущением» в буквальном смысле этого слова стала прошедшая в ноябре-декабре 1920 г. Бессарабская выставка живописи и валяния и произведений Георгия Пожедаева, в которой участвовало 19 кишиневских художников. Опубликованная накануне восторженная статья А. Бальера, сильно преувеличившего значение в русском искусстве талантливого, но малоизвестного авангардиста, спровоцировала скандальную дискуссию в прессе. Посетившие выставку газетчики обрушили на Пожедаева (а заодно и на Бальера) шквал негодования, не стесняясь в эпитетах – «арлекин во фраке и цилиндре – ушедший от нас к западно-европейским кокаинистам»²⁴. В наиболее благосклонном отзыве от имени публики, предпочитавшей изображение «обыкновенных людей», декларировалась чуждость и непонятность «левого искусства»²⁵. Негативные отклики повлияли на посещаемость. «Выставка теперь пустует. И странно было бы, если бы не пустовала. Вся беда в том, что выставка – подлинно-культурное и подлинно-художественное дело», писал А. Гирля, объективно оценивший ее значение в развитии художественного процесса в Бессарабии²⁶. Экспозиция обозначила не только веху в прерванной на пятилетие выставочной деятельности кишиневских художников. Успешность поисков в направлении модерна и символизма объединившихся вокруг Рисовальной школы художников показала бухарестская выставка в октябре 1921 г. «Основной критерий – новизна направления и оригинальность. Все, что не имеет на себе печати исканий и новаторства, не интересует критику вообще. Все, что здесь у нас вы-

зывало самые озлобленные филистерские нападки, там получило широкое признание»²⁷.

«Весь Кишинев» всколыхнули артисты балета. До революции здесь неоднократно гастролировали известные танцовщики, но впервые целая плеяда мастеров продемонстрировала различные современные направления и формы танцевальной культуры. Знакомые кишиневцам по гастролям 1917 г. звезды петербургского Мариинского оперного театра Е. Смирнова, Б. Романов и их партнер Н. Обухов показали новые постановки романтического направления. Балетная пара «босоножек» Наталья Милль и Карл Грубер – образцы «пластического» танца. «Маленькая фея балета», Викторина Кригер, представительница классического танца, поразила одухотворенным артистическим темпераментом, виртуозной техникой. Просвещенные театралы воодушевленно рецензировали доставившие редкое эстетическое удовольствие выступления, попутно отмечая, что Кишинев в последние годы «не остался чуждым веянию времени». Увлечение балетом массового зрителя, обеспечившего полный «художественный и материальный успех» гастролерам послужило пищей для фельетонов. В одном из них, монологе новоявленного «балетомана»-коммерсанта, высмеивалось охватившее город модное поветрие: «Все идут. Вся Харлампиевская как бешенная. [...] Дирижер махает палочкой, Грубер ногами, Милль бегаёт из одной стороны в другую, а я замечтался. Последняя фактура из Галаца казалась мне сомнительной. [...] Теперь я хожу на балет каждый день. На бирже тоже начинают хорошо отзываться о балете»²⁸.

Спектакль-концерт «Как попасть на сцену» с участием 12-летней балерины, ученицы Романова, Тани Смирновой, породил впоследствии целую се-

²⁴ Вершковский А. *О театре (обзор за 2 года)*. В: Бессарабия. 1921. 10 сент.

²⁵ Лоренс. *Искусство и искусственность*. В: Новое слово. 1920, 28 декабря.

²⁶ Садко. *Бессарабская выставка*. В: Новое слово. 1920, 31 декабря.

²⁷ Садко. *Выставка бессарабских художников в Бухаресте*. В: Жизнь и сцена. 1922, № 3.

²⁸ Вершковский А. *Потрясенные карманы*. В: Бессарабия. 1920, 16 декабря.

рию представлений для детей «с пением, танцами и переодеванием».

С «одесскими беженцами» связан и всплеск русской сцены в 1921 г. Поставленные труппой И. Дубровина «Пигмалион» Б. Шоу, «Горе от ума» А. Грибоедова, «Мнимый больной» Ж.-Б. Мольера возбудили повышенный интерес критиков, благодаря исполнению главных ролей комедийной актрисой Е. Кузнецовой. Мгновенную популярность у кишиневцев приобрел одаренный комик-эксцентрик, бывший петербургский актер Александр Вернер, ставивший с местными и приехавшими с ним актерами злободневные сатирические обозрения, скетчи и фарсы. Полные залы собирала летняя вернеровская антреприза «Буфф», обосновавшаяся в городском парке. Помимо дешевых фарсов и комедийных «пустячков», ставились комедии, в свое время, не сходявшие с репертуара крупных театров, а с появлением в Кишиневе драматической актрисы А. Соболиковой-Самариной и серьезные произведения. Участие в организованных беженцами антрепризах поддерживало маленькую группу русских актеров, часто переживавших «штиль бездействия». После отъезда Вернера, «любимица публики» Соболикова станет премьершей дубровинской труппы, которая обретет и героиню, и более широкую известность.

Чрезвычайно разнообразна музыкальная палитра Кишинева 1920-1921 гг. Выступают с сольными концертами Александра Гвоздецкий, Лидия Алейникова, Антон Цесевич, Арнольд Георгиевский, Мария Тобук-Черкас, Владимир Каравья, Евгения Лучезарская и другие менее известные оперные артисты. На афишах – все новые и новые имена: солист знаменитого оркестра Андреева, балалаечник В. Американов, при участии «лауреата Киевской консерватории С. Обермана»; одесский квартет в составе Н. Задри, А. Журавского, А. Фукса, У. Виланда; пианистка, бывший профессор Одесской консерватории Е. Гофман-Бегун, виолончелист Петроградской консерватории Л. Биндер... Из эстрадных исполнителей исключительным успехом пользуются популярные певицы Клара Юнг и Иза Кремер.

«Вихрь» развлечений в сезоне 1920/21 гг. казался уже нескончаемым, рецензенты не поспевали за потоком «залетных гостей», подробно освещая лишь особо значимые события, выступления выдающихся исполнителей. Среди анонсированных в качестве артистов и музыкантов «императорских» и крупных столичных театров встречались и лже-знаменитости. «Что ни день, то из-за Днестра появляется новое светило», иронизировал по поводу безудержности кишиневской рекламы репортер. Однако судьба привела в Бессарабию многих талантливых и выдающихся исполнителей, «о которых говорили, думали, мечтали», чьих

выступлений трепетно ждали. В этом отношении показателен отклик на весть о появлении известного пианиста Исидора Ахрона: «Еще один драгоценнейший дар Совдепии. [...] Когда бы Кишинев имел такое счастье – видеть у себя г. Ахрона?»²⁹.

Накануне концерта примадонны Мариинского театра А. Гвоздецкой, скрывшийся за псевдонимом бывший петербургский житель, предвкушал: «Сегодня, во вторник зал епархиального дома услышит чарующий голос залетной гостьи нашей. Помните вы зал Мариинского театра? Эту пышную, шелком обитую мебель, этих строгих капельдинеров в красных фраках и трепещущую толпу, от дыхания которой жил и дышал, колыхаясь, занавес? [...] Слушаешь Александру Андреевну, ее богатый, за душу берущий голос – и хочется уйти, уйти в сторону, повернуться лицом в угол, крепко зажмурить глаза и вспомнить, так вспомнить, чтобы болью, тоской безысходной и гордостью, да, гордостью короля в лохмотьях, сладко заняла душа. Звенит, дрожит, переливается голос, скорбит душа о прошлом и стоит ком невыплаканных слез у самого горла»³⁰.

Разлетевшиеся по всему миру «птенцы гнезда Петрова» воскрешали прошлое, канувший в небытие мир, пробуждая у беженцев-эмигрантов щемящие ностальгические воспоминания. Сходные, «давно забытые чувства и переживания» испытывали и кишиневская публика: «По нашей застоявшейся обывательщине пронеслось дуновение чистого подлинного искусства»³¹.

Не афишируемой, но весомой и социально значимой стороной деятельности беженской творческой интеллигенции являлось участие в благотворительности. Одним из главных источников общественных благотворительных организаций были поступления от культурно-просветительных и развлекательных мероприятий. Артисты и музыканты безвозмездно выступали в многочисленных концертах, спектаклях, балах и вечерах, устраивавшихся в пользу бедных и обычно привлекавших большое количество публики. Наивысшие сборы обеспечивали именитые исполнители. По традиции, хотя бы одно из выступлений гастролеров было благотворительным.

Часть беженцев из литературно-художественного мира осела в Кишиневе, большинство уехали. Разъезжались в разные стороны – в Бухарест, Берлин, Ригу, Прагу, в культурную столицу русской эмиграции – Париж. Беженское население рассеивалось эмигрантскими потоками в Европу, США и Палестину. Кишинев вновь меняет свой облик.

²⁹ С-рь. *Антракты*. В: Бессарабия. 1921, 31 ноября.

³⁰ АВЕ. *Концерт А. А. Гвоздецкой*. В: Бессарабия, 1920, 2 ноября.

³¹ Лоренс. *Искусство и искусственность*. В: Новое слово. 1920, 28 декабря.

„Orașul refugiaților”: Chișinăul necunoscut de la începutul anilor 1920

Articolul este dedicat unor pagini din istoria orașului Chișinău din perioada 1918 – începutul anilor 1920, mai puțin studiată din punct de vedere culturalogic. Această perioadă scurtă, dar importantă, este studiată din punctul de vedere al schimbărilor în spațiul sociocultural al orașului, legate de apariția refugiaților ca rezultat al revoluției și războiului civil din Rusia.

Basarabia, care a intrat în componența Regatului României în 1918, a devenit loc de refugiu și una dintre căile importante de refugiere pentru primul val de emigranți ruși. Chișinău, care a adăpostit mii de oameni veniți din fostul imperiu, a devenit unul dintre orașele europene cu refugiați. Materiale din presa autohtonă rusă reflectă schimbarea cantitativă și a structurii sociale a populației, relatează despre situația refugiaților și ajutorul acordat din partea organizațiilor de binefacere.

Chipul nou al capitalei basarabene a fost determinat nu atât de creșterea temporară a populației, cât de schimbarea atmosferei culturale, care a devenit mai bogată în evenimente, deseori de excepție. Un factor important al acestui proces a fost lărgirea stratului intelectual. Practic toate ideile creative, promovate aici de organele sociale de la începutul secolului, au fost efectuate cu participarea activă a refugiaților, majoritatea cărora erau legați de Basarabia prin proveniență, relații de rudenie sau de serviciu. La Chișinău apar antreprize de operă și dramă, apar ziare și reviste noi, apar sau trec prin reformă instituțiile educaționale. Sunt organizate lecții publice – o noutate pentru provincie, precum și serate literare și muzicale, inovatoare ca formă. În această perioadă devine foarte bogat afișul concertistic, cu nume marcante de muzicieni, artiști de operă și balet, „adunați aici prin soarta destinului”.

Chișinăul devine un loc de trai și de activitate prodigioasă pentru scriitori, pictori, ziariști veniți din Petersburg, Moscova, Odesa, Kiev. Sunt personalități cu experiență spirituală și profesională, care au adus în viața orașului un aspect cultural deosebit, „influențe noi în domeniul artei pure”, legate de modernism și simbolism (refuz de naturalism în scenă, în pictură, promovarea valorilor estetice noi și a sensului primordial al activității de creație).

Chișinăul refugiaților până la mijlocul anilor 1920 a fost pentru majoritatea emigranților ruși o poartă deschisă spre țările europene, Palestina sau SUA, dar impactul acestui fenomen a influențat toată perioada interbelică.

Cuvinte-cheie: perioada interbelică, spațiul sociocultural, refugiați, război civil, binefacere, viața culturală a Chișinăului.

“Refugee City”: unknown Kishinev in the early 1920s

The article is dedicated to the pages of the history of Kishinev in the cultural plan of 1918 and the early 1920s. This chronologically small, but very important historical period, is studied from the point of view of changes in the urban socio-cultural space, caused by the influx of refugees from revolutionary Russia during the Civil War.

Bessarabia, which becomes a part of Romania in 1918, is one of the important ways of escape for the first wave of Russian emigration, and Kishinev is becoming one of the “refugee” cities of the world. The materials of the Russian-language periodic press of that time show the changes in size and social structure of the population, as well as the situation of refugees and the assistance of charitable public organizations.

New appearance of the Bessarabian capital was determined not so much by the significant growth of temporary residents, as by the changes of the cultural landscape, enriched by events, sometimes paradoxical and unexpected. An important factor was significant expansion of the stratum of intellectuals. Practically all creative ideas promoted here since the beginning of the century were carried out with the active participation of emigrants, most of whom were related to Bessarabia by origin, kinship or service relations. There have appeared opera and dramatic enterprises, symphony orchestra and choir; new newspapers and magazines are emerging; educational institutions are being established or reformed. Public educational lectures as well as unusual for the province forms of literary and musical evenings are organized here. During this period, the concert poster is extremely diverse, where could be find the names of famous musicians, opera and ballet artists, “brought by the will of destiny.”

Chisinau becomes a place of creative activity for writers, artists, journalists who have come from St. Petersburg, Moscow, Odessa, Kiev. Their spiritual and professional experience brought to the life of the city a special cultural background, “new developments in the field of pure art” related to modernism and symbolism (rejection of naturalism on stage, in painting, promotion of new aesthetic values and true meanings in creative activity).

By the mid-1920s Kishinev, the city of refugees, has become for most of its temporary residents a gateway to the countries of Europe, to Palestine and USA, but the impulses of their creative activity will be felt throughout the whole interwar period.

Keywords: interwar period, sociocultural space, refugees, charity, cultural life of Chisinau.